

— Кажется, здесь нет ошибок...— начал он.

— Вы ее держите вверх ногами,— прервала его Алиса.

— Ну, конечно,— весело заметил Шалтай-Болтай и взял перевернутую Алисой книжку.— То-то я смотрю, как странно все это выглядит! Поэтому я и сказал: «Кажется, здесь нет ошибки!», хоть я и не успел разобраться как следует... Значит, так: триста шестьдесят четыре раза в году ты можешь получать подарки на день нерождения...

— Совершенно верно,— сказала Алиса.

— И только один раз на день рождения! Вот тебе и *слава*!

— Я не понимаю, при чем здесь «слава»? — спросила Алиса. Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

— И не поймешь, пока я тебе не объясню,— ответил он.— Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

— Но «слава» совсем не значит: «Разъяснил, как по полкам разложил!» — возразила Алиса.

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше,— сказал Шалтай презрительно.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам,— сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин,— сказал Шалтай-Болтай.— Вот в чем вопрос!

Алиса вконец растерялась и не знала, что и сказать; помолчав с минуту, Шалтай-Болтай заговорил снова.

— Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы. Гонору в них слишком много. Прилагательные попроще, с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме. Впрочем, я с ними со всеми справляюсь. *Световодозвуконепроницаемость*! Вот что я говорю!

— Скажите, пожалуйста, что это такое? — спросила Алиса.

— Вот теперь ты говоришь дело, дитя,— ответил Шалтай, как и сияя от радости.— Я хотел сказать: «Хватит об этом! Скажи-ка мне лучше, что ты будешь делать дальше! Ты ведь не собираешься всю жизнь здесь сидеть?»

— И все это в одном слове? — сказала задумчиво Алиса.— Не слишком ли это много для одного!

— Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему свехурочные,— сказал Шалтай-Болтай.

— Ах вот как,— заметила Алиса.

Она совсем запуталась и не знала, что и сказать.

— Посмотрела бы ты, как они окружают меня по субботам,— продолжал Шалтай, значительно покачивая головой.— Я всегда сам выдаю им жалованье.

(Алиса не решилась спросить, чем он им платит, поэтому и я ничего не могу об этом сказать.)

— Вы так хорошо объясняете слова, сэр,— сказала Алиса.— Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот».

— Прочитай-ка его,— ответил Шалтай.— Я могу тебе объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которые еще только будут.

Это обнадежило Алису, и она начала:

Варкалось. Хливкие шорьки

Пырялись по наве,

И хрюкотали зелюки,

Как мюмзики в мове.

— Что ж, хватит для начала!— остановил ее Шалтай.— Здесь трудных слов достаточно! Значит, так: «варкалось» — это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед.

— Понятно,— сказала Алиса,— а «хливкие»?

— «Хливкие» — это хлипкие и ловкие. А «хлипкие» значит «хилые». Понимаешь, это как бумажник. Раскроешь, а там два отделения. Так и тут — это слово раскладывается на два.

— Да, теперь мне ясно,— заметила задумчиво Алиса.— А «шорьки» кто такие?

— Это помесь барсука, ящерицы и штопора.

— Забавный, должно быть, у них вид.

— Да, с ними не соскучишься! — согласился Шалтай.— А гнезда они вьют в тени солнечных часов. А едят они сыр.

— А что такое «пырялись»?

— Прыгали, ныряли, вертелись.

— А «нава», — сказала Алиса, удивляясь собственной сообразительности, — это трава под солнечными часами, верно?

— Ну да, конечно! Она называется «нава», потому что простирается немножко направо... немножко налево...

— И немножко назад! — радостно закончила Алиса.

— Совершенно верно. Ну, а «хрюкотали» это хрюкали и хохотали... или, может, летали, не знаю. А «зелюки» — это зеленые индюки. Вот тебе еще один бумажник!

— А «мюмзики» — это тоже такие зверьки? — спросила Алиса.— Боюсь, я вас очень затрудняю.

— Нет, это птицы. Бедные! Перья у них растрепаны и торчат во все стороны, будто веник... Ну, а насчет «мовы» я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит «далеко от дома». Смысл тот, что они потерялись. Надеюсь, ты теперь довольна? Где ты слышала такие мудреные вещи?